
ТЕОРИИ ЦИКЛИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В XX – НАЧАЛЕ XXI в.: КРИЗИС ТЕОРИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Антипина Е. В.**

В статье представлена история развития экономической мысли в области циклических колебаний с конца XIX в. до настоящего времени. Однако теория циклов не устраняет сами циклы. Автор исходит из основных ориентиров выделения циклов от К. Маркса и Ф. Энгельса до Ф. Кидланда и П. Ромера. Главная задача статьи – обоснование теории циклических колебаний в современных условиях глобальной цифровизации. В рамках теории мультициклическости процесс обновления основных производственных фондов и связанные с этим колебания инвестиционной активности описываются промышленными циклами разной длины. Появление цифровой экономики требует изучения ее природы и родовой основы с привлечением методологического инструментария самого носителя современных технологий как новой парадигмы взглядов на мир. При всеобъемлющей и всепроникающей цифровой революции вещей и людей наиболее актуально стоит вопрос разработки эконометрической модели современных концепций, необходимых для адаптации в новой интеллектуальной среде. Несмотря на серьезное расширение разнообразия методов изучения экономики, произошедшие в последние десятилетия, проблематика влияния технологических факторов на развитие экономической науки нуждается в дополнительной проработке.

Ключевые слова: циклическость, теории циклов, технологические факторы, К. Маркс, Дж. Кларк, К. Виксель, Н. Д. Кондратьев, Дж. Кейнс, Дж. Хикс, Р. Харрод, Й. Шумпетер, Э. Хансен, С. Кузнец, Р. Солоу, Э. Фелпс, Ф. Кидланд, П. Ромер.

The paper is mainly focused on the history of development of the economic thought concerning cyclical fluctuations from the end of the 19th century to the present. However, the theory of cycles does not eliminate the cycles themselves. The author proposed, examined and analyzed the main reference points for the allocation of cycles from K. Marx and F. Engels to F. Kydland and P. Romer. The major objective of the article is to substantiate the theory of cyclic fluctuations in the current situation of global digitalization. Within the theory of multicyclicity the process of updating the fixed production assets and related fluctuations of investment activity are described by industrial cycles with different length. The emergence of digital economy requires the study of this nature and of the generic basis

* Работа подготовлена при поддержке внутреннего гранта ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» на тему «Ориентиры развития российской экономики в условиях перехода к новому технологическому укладу».

** Антипина Евгения Валерьевна – старший преподаватель кафедры экономической теории Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. E-mail: donskikh@yandex.ru.

with the involvement of methodological tools of the carrier of modern technologies as a new paradigm of the worldviews. With a comprehensive and all-pervasive digital revolution of things and people, the most urgent issue is the development of an econometric model of modern concepts needed for adaptation in a new intellectual environment. Despite the serious expansion of the variety of methods for studying the economy that have occurred in recent decades, the problem of the influence of technological factors on the development of economic science needs further study.

Keywords: *cyclicity, theories of cycles, technological factors, K. Marx, J. Clark, K. Wicksell, N. D. Kondratiev, J. Keynes, J. Hicks, R. Harrod, J. Schumpeter, E. Hansen, S. Kuznets, R. Solow, E. Phelps, F. Kydland, P. Romer.*

В конце XX в., после глобального финансового кризиса 1998 г., проблема долгосрочного экономического роста все более привлекала внимание экономистов, поскольку именно в периоды кардинальных изменений обычно возникает необходимость прорыва в области экономической мысли, вскрывается теоретический и идейный вакуум. Современные экономисты нередко склонны преувеличивать роль событий и процессов, которые «подтверждают их текущую точку зрения, отвергая то, что не укладывается в картину» [Родрик 2014: 73], и это накладывает существенный отпечаток на теоретические изыскания.

Если говорить о развитии западной цивилизации, то на протяжении всего лишь трех-пяти поколений промышленное общество перешло в стадию постиндустриальной цивилизации. На стыке веков началось бурное производство микрорезисторных компонентов, образование интегральных схем и усиление функциональной сложности. Появились микропроцессоры, волоконно-оптический способ передачи информации и промышленные роботы, произошел скачок в развитии. Цифровая революция сформировала необходимые социально-экономические условия ускоренного развития общественного производства. В этот период времени появляются новые направления исследований в изучении как глобальных процессов, так и национальных экономик ведущих стран мира. Новый этап технологических процессов актуализировал теорию длинных волн Н. Д. Кондратьева. Как писал А. Г. Худокормов, она «является основным теоретическим ключом к пониманию истории мировой экономической мысли XX столетия» [Худокормов 2012: 9].

Теоретические споры о циклических колебаниях производства имеют длительную предысторию. В числе первых на них обратили внимание Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии». Авторы манифеста связали регулярные кризисы с внутренними конфликтами капиталистической экономики.

В «Критике Готской программы» К. Маркс выдвинул гипотезу о бестоварности социалистического производства. Он предположил, что если средства производства будут носить общественный характер, то товарное производство будет устранено. Движущей силой развития общества, заверял он, является экономика; именно она определяет тип производительных сил. Кто сегодня слушает Маркса? Как справедливо заметил Б. Селигмен, «в наши дни... некоторые экономисты считают Маркса недостойным внимания ученых» [Селигмен 1968: 484]. Немец-

кий ученый выделил экономический базис и политическую надстройку, уделив особое внимание исследованию процессов возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, сменяющих друг друга не произвольно, а в определенной последовательности и закономерности, «вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил» [Ленин 1969: 58–59]. В 1891 г. Ф. Энгельс представил результаты Марксовых трудов. «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные... производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» [Маркс 1959: 6].

С этого времени теории циклов становятся объектом пристального внимания многих экономистов. Характерно, что Кнуту Викаселю удалось найти начальные импульсы и распространение циклических движений, обусловленные структурой экономики. Никогда не было более противоречивого, почти шизоидного экономиста, чем Викасель. У него не было ученой степени, университетского образования, но были ключевые концепции. Ряд экономистов ставят его как синтезатора в один ряд с А. Маршаллом. Более того, К. Викасель синтезировал элементы теории всех трех школ маржинализма. Его первая работа «Ценность, капитал и рента» (*Value, Capital and Rent*, 1893) представляла собой лишь прелюдию к более масштабной книге «Лекции по политической экономии» (*Lectures on Political Economy*, 1901–1906).

В «Лекциях по политической экономии» К. Викасель доказывал, что научная теория должна исходить из взаимосвязи экономических переменных – количества денег, процентной ставки и уровня цен, – предпосылки, лежащей в основе исследованного им кумулятивного процесса изменения цен. В действительности анализ детерминантов инвестирования и исследование естественной нормы, взятой в отношении к денежной норме процента, и дали ему возможность создать теорию экономического цикла. А суть кумулятивного процесса Викасселя в том, что возникает самоподдерживающаяся тенденция к ускорению изменения цен, а также благосостояния. Заработная плата поглощает часть сбережений, которые могли быть направлены на вложения в капитальные блага. На самом деле этот эффект наблюдается всякий раз, когда реальные сбережения поглощаются текущим потреблением.

Капитал имеет свою структуру, которая характеризуется двумя основными параметрами: высотой и шириной. Шириной считаются совокупные расходы на возмещение капитала (ежегодные затраты первичных факторов – труда и земли – на возмещение запаса капитальных благ). Высотой – срок службы различных капитальных благ. Однако (и в этом все дело) рост капитала «ввысь» ведет к переоценке ценности его запаса. При экономическом подъеме сначала растет ширина, потом высота. Подъем экономики достигает своего предела, перенакопление капитала провоцирует спад. Но спрос и предложение для предметов потребления и спрос и предложение средств производства нужно разделять. Банки, снижая реальную норму процента, восстанавливают равновесие, делают кредит привлекательным. Поэтому они переводят сбережения в инвестиции, стимулируют новый экономический подъем. Трудность в том, что совершенная конкуренция, обеспе-

чивая эффективное распределение ресурсов, не обеспечивает эффективное распределение доходов.

В 1910-е гг., после опубликования монографии американского экономиста Дж. М. Кларка «Деловая акселерация и закон спроса: технический фактор в экономических циклах» (1917), происходит исследование капиталистического метода производства и формирование принципа акселерации.

Обратимся к действию акселератора, демонстрирующему связь между изменениями реального ВВП и производных инвестиций. Будучи одним из активных исследователей экономических циклов, Дж. М. Кларк обратил на него серьезное внимание. Стоит сказать, что когда отрасли, производящие потребительские товары, расширяются, это, как правило, вызывает увеличение спроса на капитальные товары, то есть оборудование и машины. Эта идея Кларка стала основным моментом теории циклического развития и была определена им как принцип акселерации (эффект акселератора). Достаточными условиями для проявления принципа акселерации он назвал отсутствие товарных запасов, излишней производственной мощности, роста производительности труда (когда на одном и том же оборудовании можно получить больше продукции).

Теория Дж. М. Кларка стала чем-то большим, нежели просто решение проблемы акселерации. Ему с самого начала было очевидно, что акселерация приводит капиталистический механизм в движение и обеспечивает его развитие. Эта тема занимала его мысли большую часть следующего десятилетия и привела к опубликованию в начале 1923 г. труда, озаглавленного «Экономическая теория накладных издержек» [Clark 1923].

Почти сразу после этого популяризатор макроэкономики Адольф Леве принялся искать основные, противостоящие друг другу теории того времени. Одной причиной, объясняющей циклические колебания, являются *денежные* факторы, а другой – *реальные* факторы, исходным пунктом которых берутся влияния, оказываемые на *инвестиции*, либо влияния, оказываемые на *потребление*. Леве в книге «Экономическая теория и социология: оправдание сотрудничества в общественных науках» приводит также географическое размежевание: *денежная* теория представляет собой господствующую доктрину англосаксонской экономической науки, в то время как континентальная концепция неизменно направлена на преимущественный анализ *реальных* явлений. Он упоминает денежную теорию Хоутри (в самом деле, денежным и кредитным факторам отводится непомерно большая роль у английских авторов – от Г. Торнтона и Д. Рикардо до А. Маршалла и А. Пигу), роль колебаний в размерах инвестиций (М. И. Туган-Барановский, А. Шпитгоф, К. Г. Кассель, Д. Робертсон), роль динамических факторов в теории К. Викселля и А. Шпитгофа и роль потребления в теории А. Афталона. Конечно, полное равновесие между производством и потреблением никогда не достигалось. Если бы не регулярные неурожайи, то обычно имели бы место только непрерывные незначительные колебания вокруг состояния равновесия.

Одной из стран, где описанию циклов, прежде всего экономических кризисов, уделялось большое внимание, стал Советский Союз. Так уж совпало, что приблизительно в то же время, когда Дж. М. Кларк добавлял к своей теории накладные издержки, в Конъюнктурном институте в Москве один экономист по имени Николай Дмитриевич Кондратьев (вообще-то он был из Костромской губернии), пользуясь собственными эмпирическими наблюдениями, обнаружил повторяющуюся

синхронность. Экономика не была неподвижной. Циклы, которые анализировал Кондратьев, обнаруживали явные фазы любого развития – рост, вершина, снижение, депрессия. Это явление также характерно для потребительских товаров длительного пользования.

Н. Д. Кондратьев первым обнаружил перед началом повышательной волны каждого большого цикла, а иногда в самом ее начале, значительные изменения в условиях хозяйственной жизни общества. К сожалению, в бывшем СССР никто не обратил на это внимания. Конъюнктурный институт при Наркомате финансов «по тонкости своих методов и высоким научным достоинствам работ» представлял лучшее в Европе учреждение этого типа и не уступал исследовательским организациям США [ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 5. Д. 71б. Л. 123 об.]. Кондратьев не оставил бы без внимания вопрос, почему финансовая система в постсоветской России в течение последней четверти века функционирует в отрыве от реальной экономики. Так что исследование всей экономики он подменил исследованием конъюнктуры, то есть движения цен.

После Первой мировой войны проблема экономического цикла и источников экономического роста получила свое развитие в исследованиях Джона Мейнарда Кейнса. Он был не только ученым, но и функционером: главным представителем Британского казначейства на Парижской мирной конференции. Он разрабатывал основы послевоенных международных финансовых отношений, которые с определенными изменениями были приняты Бреттон-Вудской конференцией, состоявшейся в 1944 г., и привели к созданию Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития [Современные... 2017: 47–48]. «Общая теория занятости, процента и денег» появилась в 1936 г. и сразу же стала знаменитой. Как отмечал Бен Селигмен в своей исторической книге, «невозможно отрицать громадное влияние “Общей теории”. Оно отразилось на всех современных экономических исследованиях, в том числе и принадлежащих критикам Кейнса. Самые непримиримые оппоненты Кейнса встали впоследствии на его сторону» [Селигмен 1968: 504].

Кейнс, с его высоким ростом, неуступчивым нравом и саржевым пиджаком, был слишком радикальным для своего времени, а возможно, даже и для нашего. Он пишет: «Экономисты поставили бы себе слишком простую, слишком бесполезную задачу, если бы в бурные периоды могли бы сообщить нам лишь о том, что после того, как буря пройдет, океан вновь станет спокойным» [Кейнс 1925: 65]. И в 1936 г., когда депрессия была позади, мир открыл его.

Практически одновременно с Дж. М. Кейнсом в богатом событиями 1939 году Джон Р. Хикс опубликовал «Стоимость и капитал», Рой Харрод представил в *Economic Journal* работу «Очерк теории динамики», Йозеф Шумпетер обнаружил «Экономические циклы».

В работе «Стоимость и капитал», за которую Дж. Хикс удостоился Нобелевской премии, объяснялся потребительский излишек (что, среди прочего, способствовало появлению эффекта дохода). Р. Харрод сделал акцент на новой динамической теории, в которой исследовались фактический, гарантированный и естественный темпы прироста. А Й. Шумпетер во времена «наивысшего расцвета неоклассицизма начинает разговор о динамике. Но как он это делает? Он начинает со статической модели. Статика так статика» [Майбурд 2000: 111]. Противопо-

ложная линия общего равновесия Л. Вальраса, которая начиная с 1930-х гг. «решительно возобладала в основном неоклассическом течении экономической теории, в значительной мере осуждается Блаугом как неэффективная трата сил общества на формалистское совершенствование теории без осмысления и предсказания новых фактов» – пишет В. С. Автономов [2004: 13]. Наличие в развитии спадов и подъемов производства побудило некоторых экономистов заняться исследованием проблем макроэкономической динамики. Что же касается Шумпетера, то он особо подчеркивает, что смысл экономического развития заключается не в новом состоянии равновесия, а в переходе к нему, поскольку любое новое состояние равновесия все равно будет разрушено.

Выводы Й. Шумпетера основаны на глубоком знании экономической теории. В начале XX в. он внимательно изучил произведения современной ему австрийской школы, сочинения К. Маркса, позднее – научные труды представителей новой исторической школы и аналитические работы американских институционалистов, но в значительной мере именно доктрина Маркса удивительным образом повлияла на Шумпетера. Она, как свидетельствует автор «Капитализма, социализма и демократии», «принадлежит к той разновидности религий, которая обещает рай уже при жизни» [Шумпетер 2008: 377]. В то же время он признавал теоретический вклад Маркса в экономическую науку: «...основная идея о том, что капитал есть, в сущности, средство господства над производством, совершенно совпадает с нашими выводами» [Там же: 263].

В первой главе своего труда «Теория экономического развития» Й. Шумпетер обратился к работам австрийцев-маржиналистов, описывающих экономическое равновесие. Мы вскоре вернемся к ним, но сначала перенесемся на несколько десятилетий назад в Лозанну (Швейцария). Там в 1870-е гг. сравнительно немолодой математик Леон Вальрас и сменивший его профессор-марксист Вильфредо Парето заложили основу лозаннской школы.

Исходными параметрами экономической модели Вальраса и Парето стали не классовые подходы Маркса и не вопросы политического устройства государства или определения концепций австрийской школы. Вальрас сконцентрировал внимание на рынках, ценах и полезности: всегда ли равновесие на рынках продуктов соответствует равновесию на рынках факторов производства; гарантирует ли рыночный механизм достижение общего равновесия. По образному сравнению самого Вальраса, в данном равновесии варьирования статических состояний должны происходить в чем-то подобном операционному залу Парижской биржи, наполненному покупателями и продавцами. В нем особенно нуждались как в последовательности изученных статических состояний.

Но вернемся к австрийцам. У представителей венской школы Й. Шумпетером были заимствованы понятия о порядке благ, вменении альтернативной стоимости и предельной производительности. Как отметил профессор В. С. Автономов, «среди экономистов-учителей Шумпетера выделялись корифеи австрийской школы Е. Бем-Баверк и Ф. Визер» [Автономов 1995: 7]. Они были первыми, кто принес популярность доктрине австрийской школы. Еще в 1909 г. выдающийся экономист Фридрих фон Визер категорически утверждал, что даже социалистическая экономика должна была бы использовать такое же средство измерения и в основном такие же принципы планирования, как и капиталистическое хозяйство. При-

мерно в 1992 г. Фридрих фон Хайек написал о Шумпетере: «Со временем он еще дальше отошел от принципов австрийской школы, так что теперь не вполне ясно, можно ли по-прежнему считать его представителем этой группы» [Хайек 2009: 195]. В частности, его теория предпринимательства существенно отличалась от австрийского подхода. Если И. Кирцнер считает основной функцией предпринимательства поддержку движения экономики к равновесию, то шумпетерианское понимание предпринимательства расходится с австрийской школой в том, что Шумпетер считает предпринимателя *активным субъектом предприятия* [Антипина 2017: 33].

Почти незамеченный современниками большой труд «Экономические циклы» явился ни много ни мало разработкой теоретической модели процесса экономического развития во времени. Й. Шумпетер сформулировал гипотезу о том, что вывод производственной системы из кризиса связан не с ростом масштабов деятельности, сокращением издержек или повышением цены на прежнюю продукцию, а с изменением в хозяйственном процессе за счет создания и внедрения инноваций. Он приводит сравнение с биением человеческого сердца, которое отражает все существенные процессы в организме. Но никто еще не придумал способа измерить это. С появлением талантливого Новатора, всегда стремящегося получить большую прибыль, чем могут дать обычные способы, преодолеваются технологические и финансовые затруднения и открываются новые пути получения прибыли. Полученный в результате доход является одним из источников воспроизводства. По справедливому замечанию индийского инвестора Ручира Шармы, «они (журналисты. – Е. А.) не видят вокруг ничего хорошего, потому что оценивают экономический потенциал по докризисным критериям» [Шарма 2016: 466].

Следуя логике Й. Шумпетера, можно прийти к выводу о том, что пучкообразный характер инвестирования обусловлен стадным характером явления, вызываемым нововведениями в области совершенствования производства. Однако человечество привыкает к нововведениям, поэтому Шумпетер оценивал исторические судьбы предпринимателей как носителей инноваций весьма пессимистично. И, несмотря на признание особой роли предпринимателя, считал, что с точки зрения чистой экономической теории именно новые научные открытия приводят к зарождению инновационных кластеров.

По словам Шумпетера, основной проблемой институционального анализа является выяснение не того, как функционирует капитализм в рамках существующих в данное время структур, а того, как капитализм создает и разрушает эти структуры [Шумпетер 2008: 521]. Специальным направлением анализа динамических процессов было построение так называемых моделей шумпетерианской конкуренции, связанных с достоянием институционального направления. Но, в отличие от институционалистов, Шумпетер выдвинул теорию эффективной конкуренции (которая изображает рыночный механизм в эпоху «большого бизнеса» как плодотворное взаимодействие сил монополии и конкуренции) и занимался поиском источника развития внутри самой экономической системы. Он установил, что рост конкурентоспособности фирмы в случае смены ценовой политики или использования механизмов сокращения издержек носит кратковременный характер.

Поворотным пунктом в развитии теории экономического роста стала модель Харрода – Домара. Рой Харрод родился в 1900 г. в Норфолке, на востоке Англии, но вырос в Оксфорде. В ранний период жизни отмечалось пристрастие будущего экономиста к составлению сочинений на разные темы. В 1907 г. археологический бизнес отца стал приходить в упадок, но Рой, к тому времени уже подросток, уехал в Лондон продолжать образование: получил стипендию в школе св. Павла, а в 1913 г. – стипендию Кингс-колледжа для обучения в Вестминстере. В 1918 г. он был призван в армию, а в 1919 г. поступил в Оксфордский университет на четырехгодичный курс преподавателей исторических наук.

В 1923 г. Р. Харрод окончил университет и через несколько месяцев начал изучать экономическую теорию (а затем и преподавать). Самая первая его работа об экономической динамике появилась в одном номере с работой Дж. М. Кейнса о методе взаимосвязи экономических переменных Я. Тинбергена. С 1928 по 1940 г. он опубликовал ряд работ по проблемам денег, банков, международной торговли, несовершенной конкуренции, колебаний издержек, торгового цикла и экономического развития.

Его знаменитое уравнение $S/Y = I/Y = K/Y$ выражает условие динамического равновесия и указывает на то, что всегда существует некоторая норма инвестиций для того, чтобы произвести продукцию дополнительно благодаря инвестициям предыдущего периода. S в уравнении означает сбережения, I – инвестиции, Y – национальный доход, а K – долю инвестиций, вызванных изменением дохода того же года.

В самых простых словах это уравнение означает, что инвестиции и сбережения обладают эквивалентностью. Это две формы одного явления: инвестиции являются освобожденными сбережениями; сбережения – инвестициями, ожидающими своего часа. Поскольку Y (национальный доход, обозначающий, что рассматривается доля инвестиций и сбережений) – это на самом деле огромное число, формула показывает, что в любых сбережениях есть равная доля инвестиций.

Вы можете не считать себя хорошим инвестором, но если вы просто взрослый человек с обычным доходом, то ваши ничем не приметные сбережения будут оборачиваться меньшей долей инвестиций. При этом важно учитывать именно долю сбережений в национальном доходе, а не уровень сбережений в абсолютном выражении. Проще говоря, не только наши разумные траты, но и наши сбережения будут способствовать росту совокупного спроса и занятости, а тем самым и росту национального дохода.

В результате своего анализа Р. Харрод приходит к выводу о существовании такой линии развития, как линия динамического равновесия, придерживаясь которой, производители останутся удовлетворенными результатами своей деятельности. Дж. М. Кейнс отнесся к концепции Харрода скептически, выразив сомнения в существовании равновесной линии непрерывного развития, вокруг которой происходят колебания фактического темпа роста. Р. Харрод пишет: «Идея, согласно которой можно проводить совершенную политику, своего рода “тонкую настройку”, способную, с одной стороны, предотвратить рост безработицы, а с другой – не вызывать повышения инфляции спроса, не согласуется с экономической теорией» [Наггод 1973: 112–113]. Двадцать три года спустя, пытаясь восстановить первое и второе подразделения общественного производства К. Маркса,

Джоан Робинсон с Николасом Калдором разработали более сложную модель роста, в которой говорилось об инвестиционных и потребительских товарах.

Между созданием экономической модели Харрода – Домара и ее усовершенствованием Дж. Робинсон и Н. Калдором произошло еще очень важное для развития теории экономического роста событие. Элвин Хансен опубликовал ставшую всемирно известной монографию «Экономические циклы и национальный доход», где соотношение нормы прибыли и нормы процента определяют изменения в объемах инвестиций. Работа посвящена экономическим циклам, национальному доходу, современным теориям занятости и развитию соответствующих областей экономической мысли. Она достаточно последовательна, чтобы определить экономический цикл как колебание наиболее важных макровеличин: занятости, объема продукции и уровня цен.

«Экономические циклы и национальный доход» – одна из самых удивительных научных публикаций, так как в ней точка зрения кейнсианца Э. Хансена отличается от позиции самого Кейнса. Книга не содержит принципов эмиссии денег и роли центробанков в образовании длинных циклов – скучной академической рутины. Хансен сделал акцент на механизме инвестиционных колебаний: как научно-технический прогресс может быть причиной автономных инвестиций. (При этом читатели и слушатели как бы самостоятельно выводили положения, изложенные в его работах.) Этим же объяснялось, каким образом при наличии свободной рабочей силы и дополнительных мощностей инвестиции в какой-либо одной из отраслей могут вызывать прирост дохода не только в ней, но и во всех сопряженных с нею отраслях. Простой формулой акселератора Хансен подарил экономистам возможность оперировать расчетом экономического роста. Его может и не быть, если прибыль от автономных инвестиций направляется на потребление. Теория экономических циклов помогает нам решить трудную проблему превращения современного общественного устройства в слаженную и работоспособную систему. И, что также далеко не случайно, она дает возможность прогнозировать развитие рыночной системы и тем самым усилить ее адаптивность, амортизируя будущие потрясения. Если Кейнсом дан мультипликатор, то Хансеном – акселератор, который раскрывает поведение инвестиций.

Наряду с разработкой кейнсианских моделей цикла в монографии Джона Хикса, посвященной теории экономического цикла, был предложен вариант плодотворного синтеза неоклассического и кейнсианского подходов. Для современных денежных теорий процента и цикла путь открыт. А до неокейнсианских исследований Кузнецца интерес к проблеме роста несколько снизился.

В России работа Льва Абрамовича Мендельсона, посвященная теории и истории экономических циклов, во многом производила впечатление решения, подгноемого под заранее известный ответ.

К началу 70-х гг. XX в. потенциал роста послевоенного периода был исчерпан. В это время мейнстримом экономической мысли становится количественный подход в формировании теории экономического роста, ярким представителем которого является нобелевский лауреат Саймон Кузнец. Мир должен был вступить в век целостной макроэкономической науки, в которой «многие темы экономической теории имели большое сходство» [Salerno 1999: 40]. Ученые вскоре обнаружат, что ключевая роль в формировании теории экономического роста закла-

дывалась представителями количественного подхода и прежде всего С. Кузнецом. Наука перемещалась из мира экспериментальных лабораторий, где данные можно увидеть, посчитать, измерить, в мир экономического производства. По Кузнецу, «главное заключается именно в использовании [науки], причем это касается не только результативного экономического роста, а в такой же мере и эффекта обратной связи относительно развития самой науки; получается нечто похожее на самостимуляцию экономического роста» [Kuznets 1966: 12].

С. Кузнец писал о проблеме импульса роста, то есть о том, каким образом превратить потенциал технологического прогресса в изменение институциональной структуры. Это была действительно новая концепция, к тому же очень удачная. Вскоре она поможет решить проблему сравнительного анализа экономического роста, а в более отдаленной перспективе станет фундаментом современной теории экономического роста. Во всяком случае, это были три показателя, которые определяют принадлежность к современной экономике:

- темп прироста дохода на душу населения;
- распределение рабочей силы по отраслям;
- размещение населения по территории.

Дальнейшее развитие теория роста получила благодаря Роберту Солоу. Самой вызывающей и непостижимой из всех концепций экономического роста является мысль о том, что главный фактор экономического роста – технический прогресс – является эндогенным. Мы изначально рассматриваем нововведения как источник роста; мы привыкли, что пропорции между капиталом и трудом должны быть переменными. На деле же, согласно Солоу, их определяют производители, которые минимизируют затраты в зависимости от цен на эти факторы. Они даже имеют формулу: $Y = F(K, L)$.

Но кардинальная смена методологии анализа цикла, да и не только цикла, больше всего заметна в современных экономических теориях. По выражению А. В. Кацуры, сейчас «сама наука... отваживается на поиски оснований мира и его эволюции за пределами традиционной материальности» [Кацура 2017: 108–109].

Что такое капитал-доход, обычно объясняют кредиторы, предлагая представить, что они отказываются от текущего потребления (жертвуют им) и вправе рассчитывать на определенную компенсацию за указанную жертву, за воздержание от текущего потребления. Под воздействием технологического шока возрастает совокупная производительность факторов производства. Это увеличивает заработную плату, что вызывает увеличение предложения труда в данный период времени и капиталоотдачи. Теперь, если экономика находится в состоянии равновесия, но не соответствует «золотому правилу», правительству предстоит определить политику роста, разработать программу максимального душевого потребления. Это возможно в двух вариантах: либо экономика располагает большим запасом капитала, чем это необходимо, чтобы соответствовать «золотому правилу», либо запас капитала не достигает соответствующего «золотому правилу».

В момент снижения нормы сбережения получаем, что даже в течение перехода к новому стационарному состоянию экономика в каждый момент времени имеет более высокое потребление на душу населения, чем исходный уровень. Так что, если поддерживать одинаковый уровень потребления для всех живущих

ныне и для всех будущих поколений, то есть если поступать с будущими поколениями так, как мы хотели бы, чтобы они поступали с нами, то максимальный уровень стационарного потребления на душу населения определен. Кривая Филлипса (соотношение между безработицей и инфляцией) с точки зрения межвременного выбора не столько универсальная модель, сколько свойство безработицы. Долгосрочная безработица обусловлена не уровнем инфляции, а скорее рынками труда, пишет экономист Эдмунд Фелпс и продолжает: «...заманчивое соотношение сразу бы исчезло, если бы высокопоставленные политики действительно попытались бы его использовать, то есть, если бы они попытались достичь низкого уровня безработицы, допуская высокую инфляцию» [Бролл, Ферстер 2007: 107].

Разумеется, рекомендации основываются не на идеологических установках, а на реалистических предположениях о рыночной системе. Но в данном случае, анализируя возможные последствия снижения налога на труд (известного у нас как ЕСН), Фелпс в соавторстве с Лоуренсом Саммерсом обосновал неэффективность такого шага для снижения безработицы, по-прежнему очень высокой во многих развитых странах. Во всяком случае, можно просчитывать все побочные последствия налоговых новаций.

Значителен вклад Финна Кидланда и Эдварда Прескотта в изучение влияния фактора времени на экономическую политику и в исследования движущих сил деловых циклов. Среди многого другого время проникает во все аспекты социальной жизни и влияет на все продукты цивилизации.

П. Ромер первым обнаружил эффект экономических факторов в изучении инновационной активности фирм и осознал их эндогенное значение для понимания роста в экономике. К счастью, Шведская королевская академия наук обратила на это внимание и 8 октября 2018 г. присудила ученому из США премию по экономике памяти Альфреда Нобеля.

Подытоживая обсуждение проблематики циклов, можно сделать некоторые выводы и дать рекомендации.

Тенденция экономики к росту является естественной тенденцией самосберегающей системы, которая быстро приспосабливается к равновесному устойчивому состоянию, максимизирующему благосостояние. В условиях развитых стран четверть мирового ВВП тратится на обеспечение будущего экономического роста^{***}. Мы сможем разогнаться до любой отметки ВВП в этом или следующем году, но если прирост составит ниже 4 %, не будет развития промышленности и повышения качества жизни.

Из любого экономического кризиса экономика выходит на уровень выше докризисного. Одно из предсказаний А. Л. Кудрина, бывшего министра финансов и создателя государственных фондов, позволивших минимизировать воздействие мировых кризисов на российскую экономику, заключается в том, что страна стала медленно, но уверенно выходить из кризиса. Однако экономистам и политикам недостаточно просто ждать этого выхода. Поэтому шанс на появление синтетической, исчерпывающей теории делового цикла все-таки есть, будь то неоклассические синтетические теории или кейнс-шумпетерианские эконометрические модели.

^{***} В развитых странах норма накопления составляет 20–21 % ВВП, как и в России [Динамика... 2015: 4].

Литература

- Автономов В. С. «Несвоевременные» мысли Йозефа Шумпетера / Й. Шумпетер // Капитализм, социализм и демократия. М. : Экономика, 1995.
- Автономов В. С. За что экономисты не любят методологов / М. Блауг // Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М. : НП «Журнал Вопросы экономики», 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blaug-m-metodologiya-ekonomicheskoy-nauki-ili-kak-ekonomisty-obyas-nyayut-per-s-angl-nauch-red-i-vstup-st-b-c-avtonomova-m-np-zhurnal-voprosy>.
- Антипина Е. В. Сравнительный анализ методологических подходов шумпетерианства и австрийской школы // Вестник РЭУ. 2017. № 4(94). С. 32–41.
- Бролл У., Ферстер А. Эдмунд С. Фелпс: кривая Филлипса и золотое правило накопления капитала // Журнал европейской экономики. 2007. Т. 6. № 1. С. 106–113.
- Динамика инвестиционной активности в условиях спада экономики России // Бюллетень социально-экономического кризиса в России. 2015. № 5. Сентябрь [Электронный ресурс]. URL: http://economics.com.az/ru/images/fotos/direktor/Globaliz/Bulleten_soc_ekon_krizisa_v_Rossii_05_sen2015.pdf.
- Кацура А. В. Демократия против социализма. Борьба двух исторических проектов объединения человечества // Век глобализации. 2017. № 2. С. 93–110.
- Кейнс Дж. Трактат о денежной реформе. М. : Экономическая жизнь, 1925.
- Ленин В. И. Карл Маркс / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 26. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1969.
- Майбурд Е. М. Введение в историю экономической мысли. М., 2000.
- Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 13. М. : Гос. изд-во пол. лит-ры, 1959. С. 5–9.
- Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 2. С. 65–75.
- Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М. : Прогресс, 1968.
- Современные проблемы хозяйственного развития с позиций экономической теории / под ред. Е. В. Устюжаниной, М. В. Дубовик. М. : Русайнс, 2017.
- Хайек Ф. Судьбы либерализма. М. : ИРИСЭН, Мысль; Челябинск : Социум, 2009.
- Худокормов А. Г. Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке). М. : Ин-т экономики, 2012.
- Шарма Р. Взлеты и падения государств. Силы перемен в посткризисном мире. М. : Corpus (ACT), 2016.
- Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М. : Эксмо, 2008.
- Clark J. M. Studies in the Economics of Overhead Costs. Chicago : University of Chicago Press, 1923.

Harrod R. *Economic Dynamics*. London; New York, 1973.

Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread*. New Heaven, 1966.

Salerno J. The Place of “Human Action” in the Development of Modern Economic Thought // *The Quarterly Journal of Austrian Economics*. 1999. Vol. 2. No. 1. Pp. 35–65.

Архив

ЦГАНХ СССР – Центральный государственный архив народного хозяйства СССР.